

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА – БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОЕ СРЕДСТВО МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Гринберг Р.С.

Обоснована необходимость структурной перестройки экономики на основе модернизации промышленного комплекса страны. Показано, что основным способом обновления материальной базы является проведение целенаправленной структурной политики. В основе этой политики – реализация приоритетных направлений экономического развития и применение адекватных средств их реализации. Сформированы механизмы активизации ее осуществления.

"Постдефолтный" период (с 1999 г.) характеризуется существенным улучшением макроэкономической ситуации в стране. После беспрецедентного в истории России XX века экономического кризиса высокими темпами увеличиваются валовые показатели экономического роста. Среднегодовые темпы прироста ВВП в период 1999 – 2006 гг. составили 6,7%, объема промышленного производства – 6,1%, сельскохозяйственного производства – 3,8%, инвестиций в основной капитал – 10,5% [1, с. 323, 438, 659; 2, с. 36; 3, с. 35; 4, с. 11, 39; 5, с. 5; 6, с. 57]. И есть все основания рассчитывать на сохранение этих темпов в среднесрочной перспективе (как минимум до 2010 г.). На этой базе достигнуто восстановление докризисного (1991 г.) уровня среднедушевых реально располагаемых доходов населения.

В 2000 г. фиксируется профицит федерального бюджета (1,9% к ВВП), который к 2006 г. достигает 7,5% к ВВП [4, с. 36] (прогноз на 2007 г. – 4,5% к ВВП [7, с. 42]). Внешний долг снизился в разы и перестал быть тягостным бременем для страны. Не является пока высоким и государственный внутренний долг. Правда, снижение государственного долга замещается ростом корпоративных долгов, прежде всего, внешних*, что является, с одной стороны, признаком устойчивости российских корпораций и доверия к ним международного капитала, но с другой – возникает опасность финансового кризиса. Тем не менее, Россия из страны с неустойчивым финансовым положением, крупного и проблемного должника, испытывающего постоянный финансовый голод, превратилась в страну, богатую финансовыми ресурсами, позволяющими не только финансировать самые неотложные нужды, но и создавать крупнейшие финансовые резервы, досрочно гасить внешний долг и "прощать" долг других стран России.

Заметны итоги борьбы с инфляцией. Если в начале периода подъема (декабрь 1999 г.) прирост индекса потребительских цен составил 36,5% к декабрю 1998 г. [6, с. 57], то по итогам 2006 г. темп прироста инфляции впервые оказался ниже 10%.

* Прирост частных заимствований за рубежом: 2004 г. – 38,8 млрд. долл., 2005 г. – 73,9 млрд. долл., за январь – сентябрь 2006 г. – 65,4 млрд. долл. (Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2007 г.).

На начало 2003 г. внешний долг предприятий нефинансового сектора составлял 33 млрд. долл., банков – менее 20 млрд. долл.; в июле 2006 г. – более 140 и 65 млрд. долл., соответственно [8, с. 25].

Растет доверие к финансовой системе страны (в 2005 г. прирост банковских депозитов населения составил 38% против 31% в 2004 г. при уменьшении доли наличности в общей денежной массе [9, с. 3], что свидетельствует о "переводе" личных сбережений из "домашнего хранения" в банки)*.

Вместе с тем, не может не обратить на себя внимание тот факт, что восстановление докризисного объема ВВП и прогнозирование его дальнейшего роста происходят при существенном отставании роста объемов ведущих отраслей материального производства и - что самое важное - инвестиций в основной капитал, восстановление которых прогнозируется лишь за пределами 2010 г. (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика основных социально-экономических показателей, в % к базовому году*

Показатели	Базовый год	Факт		Прогноз МЭРиТ	
		1998 г.**	2006 г.	2007 г.	2010 г.
ВВП	1989	55,8	93,8	99,9	127,0
Продукция промышленности***	1989	43,4	69,5	73,1	84,7
Продукция сельского хозяйства	1989	54,0	72,5	73,9	83,0
Инвестиции в основной капитал	1990	21,1	46,7	52,7	72,6

Примечания:

*Последний год роста.

**Год максимального падения.

***По ОКВЭД.

Рассчитано по данным: Российский статистический ежегодник. 2001. Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2001. С. 279, 396; Россия в цифрах. 2005: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2005. С. 34; Российский статистический ежегодник. 2005: Стат. сб. С. 323, 438, 659; Россия в цифрах. 2006: Крат. стат. сб. С. 35; Россия 2007: Стат. справочник. С. 18, 39; Информация о социально-экономическом положении России. XII. С. 5; Вопросы статистики. 2006. № 12. С.57; Прогноз социально-экономического развития РФ на 2008 г., параметры прогноза на период до 2010 г. и предельные уровни цен (тарифов) на продукцию (услуги) субъектов естественных монополий. М.: Минэкономразвития России, апрель 2007 г. (вариант 2)

Более того, темпы прироста промышленного производства в последние два года упали в 2 раза по сравнению с предшествующем двухлетием (с 8,9% в 2003 г. и 8,3% в 2004 г. до 4,0 [2, с. 36] и 3,9 [5, с. 5] процентов в 2005 и 2006 годах соответственно). Прогноз их среднегодовой величины на 2007 – 2010 гг. (5,1% [11]) предполагает всего лишь недопущение дальнейшего падения.

Причины сложившейся динамики известны – экономический рост в стране в существенной мере опирается не на внутренние источники, а на сложившуюся внешне-экономическую конъюнктуру, прежде всего, сырой нефти, природного газа и металлопродукции первых переделов. Одновременно наблюдаются довольно устойчивые тенденции ухудшения качественных показателей роста. В этой связи нынешний экономический рост не может быть признан ни устойчивым, ни перспективным для России - "рост без развития", при котором страна остается с примитивной сырьевой экономикой с низкотехнологичной индустрией, неэффективным для современных динамичных условий государственным аппаратом.

* Вместе с тем, согласно данным Банка международных расчетов, ЦБ РФ и Минфина, в первом полугодии 2006 г. сумма депозитов частных лиц и организаций в иностранных банках составила 5,8 трлн. руб. против 4,3 трлн. руб. в российских банках [10, с. 9].

За форсированное формирование основ рыночного хозяйства России пришлось "заплатить" деградацией её научно-технологического и производственного потенциала. Если ВВП страны к 1998 г. сократился на 44,2% к уровню 1989 г., то объем промышленного производства – на 56,6% [13, с. 34; 3, с. 35; 1, с. 323; 6, с. 57]. Наиболее глубокий спад охватил высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности и военно-промышленный комплекс с его наукоемкими производствами мирового класса, в том числе уникальными, технологиями и высококвалифицированным кадровым корпусом.

"Восстановительный" (постдевальвационный) рост не принёс качественных перемен, не остановил процессы примитивизации национального промышленного производства, о чем свидетельствуют данные таблицы 2.

Таблица 2

Индексы производства по видам экономической деятельности, % к 1991 г.

Виды деятельности	Факт					Прогноз	
	1992 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2010 г.
Добыча полезных ископаемых	88,2	70,7	74,3	99,0	101,2	103,5	110,3
В том числе добыча топливно-энергетических ресурсов	94,7	77,8	80,9	111,4	114,2	116,5	123,5
Обрабатывающие производства, в том числе:	81,8	47,5	51,0	67,8	75,6	76,6	90,8
• производство машин и оборудования	84,4	38,1	32,3	45,3	46,8	48,9	58,5
• производство транспортных средств и оборудования	85,3	45,0	53,1	52,2	55,5	58,3	73,4

Источники: Россия в цифрах. 2006. С. 193, 194; Информация о социально-экономическом положении России. XII. С. 13, 15, 43; Прогноз социально-экономического развития РФ на 2008 г.

По массовой продукции обрабатывающей промышленности Россия уступает не только зарубежные рынки, но и рынок национальный. Удельный вес России в мировой торговле продукцией машиностроения составляет 0,4 – 0,5%, против 30%, приходящихся на США, КНР и Японию, а технологиями и наукоемкими товарами – не превышает 0,3 – 0,8%, что меньше США в 30 раз, Республики Корея – в 14, Малайзии – в 13, Китая – в 10, Таиланда – в 4, Филиппин – в 3 раза [15, с. 4; 16, с. 3; 17, с. 59; 18, с. 1].

В 2004 г. страна изготовила 32 самолёта и 95 вертолётов на мощностях, которые в конце 80-х годов позволяли ежегодно выпускать 500 самолётов и 300 вертолётов. Если в течение последних 15 советских лет доля машин и оборудования в общем объёме экспорта составляла 15 – 20%, то сегодня она не превышает 6 – 8%.

Критического уровня достиг износ основных фондов в промышленности (см. табл. 3).

Таблица 3

Динамика возрастной структуры производственного оборудования в промышленности, %

Возраст оборудования на конец года, лет	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2004 г.
До 5 лет	35,5	29,4	4,7	8,6
Свыше 20 лет	10,7	15,0	38,2	51,5
Средний возраст оборудования, лет	9,5	10,8	18,7	21,2

Источник: Российский статистический ежегодник. 2005. С. 392.

Как свидетельствуют приведенные данные, хотя после 2000 г. впервые после десятилетий сокращения наметился некоторый рост доли производственного оборудования со сроком службы свыше 5 лет, однако, на каждый процентный пункт прироста доли такого оборудования приходится 3,3 процентного пункта прироста доли оборудования со сроком службы свыше 20 лет. В результате к середине нынешнего десятилетия более половины производственного оборудования промышленности работает свыше 20 лет, что ведет к увеличению среднего возраста оборудования, хотя и чуть более низкими по сравнению с предшествующим десятилетием темпами, но существенно превышающими темпы роста среднего возраста оборудования в 1981 – 1990 гг.

Согласно результатам обследования предприятий перерабатывающих отраслей промышленности, проведенного Институтом экономики переходного периода, в качестве главного фактора, снижающего конкурентоспособность отечественной продукции, по всем без исключения отраслям был назван именно фактор устарелого оборудования, в то время как завышенный курс рубля по частоте упоминаний был отнесен лишь на 9-е (из 10) место. Примечательно, что фактор более низкого по сравнению с импортом качества продукции занял лишь шестую позицию [19, с. 40].

Как показал проведенный в середине лета 2006 г. опрос "Российского экономического барометра", каждое третье промышленное предприятие в качестве ограничителя своего роста назвало отсутствие надлежащего оборудования [20, с. 39].

Низкий технологический уровень производства сказывается даже на такой, казалось бы успешной, отрасли, как металлургия, продукция которой, по оценке М. Фрадкова, лишь на 19% покрывает потребности внутреннего рынка, т.к. основная доля металла – низшие переделы [21, с. 6].

В результате в стране ослабевают перспективы перехода к инновационному типу развития: инновации внутри страны становятся некому потреблять, поскольку исчезают отрасли, способные трансформировать их в продукцию конечного потребления. Наконец, неизбежно начинает формироваться технологическая несовместимость российской экономики с индустриально-развитыми странами.

Сегодня Россия вплотную приблизилась к утрате собственной технологической базы машиностроения и индустрии народного потребления. По расчетам ИНХП РАН, в перспективе Россия вынуждена будет приобретать за рубежом до 60% технологий [15, с. 4].

Материальной основой примитивизации производственной структуры экономики является сложившаяся и прогнозируемая структура инвестиций в основной капитал (см. табл. 4).

Таблица 4

Структура инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности (% от общего объема инвестиций)

Виды деятельности	Факт			Прогноз МЭРиТ	
	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2010 г.
Добыча полезных ископаемых	18,1	15,0	17,3	15,0	12,5
Машиностроение и металлообработка	2,9	2,7	2,3	2,2	2,7

Источники: Российский статистический ежегодник. 2005. С. 661; Россия 2007: Стат. справочник. С. 41; Прогноз социально-экономического развития РФ на 2007 г., параметры прогноза на период до

2009 г. и предельные уровни цен (тарифов) на продукцию (услуги) субъектов естественных монополий. М., 2006, август, Прогноз социально-экономического развития РФ на 2008 г.

Результатом такой структуры инвестиций явилось замедление развития машиностроительного комплекса. Производство машин и оборудования в 2006 г. составило только 103,3% к уровню 2005 г. [1, с. 369], который в свою очередь составил 99,9% к уровню 2004 г. [5, с. 43]. Можно констатировать, что к настоящему времени в России исчезает общая технологическая основа национального машиностроительного комплекса в целом, поскольку станкостроение производит "материнские машины" и определяет технологический уровень всех прочих машиностроительных производств, выпускающих оборудование для других отраслей промышленности.

Снижение технологического уровня российской экономики является также следствием продолжающегося недофинансирования главного источника инновационного роста – науки. Хотя объем средств в процентах к ВВП, выделяемых науке, вырос по сравнению с "пиком" кризиса (1998 г.) более чем в два раза (с 0,38 до 0,8%), но она все еще меньше, чем в начале "реформаторского периода" (1992 – 1993 гг., когда она составляла 0,94 – 0,91% ВВП соответственно [22, с. 44 – 45; 24, с. 68 – 69].

Таким образом, модернизация страны в решающей мере зависит от структурной перестройки её экономики. Без радикального обновления сферы материального производства нельзя вернуть Россию в "клуб" развитых стран.

При этом надо отдавать себе отчет в том, что модернизация экономики, диверсификация ее реального сектора не могут быть осуществлены спонтанно, на основе исключительно механизмов рыночного саморегулирования. Ставка на эти механизмы в 90-е годы не только не привела Россию в "постиндустриальную цивилизацию" и не просто заблокировала реализацию задач позднеиндустриальной модернизации. Она предопределила стремительную деиндустриализацию одной из ведущих промышленных держав мира, инициировав "структурную перестройку наоборот", то есть по существу свела экономику к её сырьевому сектору.

Проверенный способ обновления материальной базы экономики – структурная политика, суть которой сводится к установлению государством приоритетных направлений экономического развития и к применению адекватных средств их реализации. Те страны, которые действительно совершили экономический прорыв и превратились из развивающихся в экономически развитые, совершили это при помощи успешной промышленной политики.

Неизбежная в отсутствие активной структурной политики консервация нынешней экспортно-сырьевой модели роста чревата, кроме прочего, дальнейшей социально-экономической дифференциацией российских регионов, усилением "точечности", "мелкоареальности" пространственной эволюции страны при "люмпенизации" огромных территорий. Противостоящая этим дезинтеграционным процессам эффективная региональная политика государства – необходимая составляющая общей стратегии развития, непереносимое дополнение курса на осуществление позитивных структурных сдвигов в экономике.

В такой ситуации пора прекращать дискуссии о "целесообразности" или "нецелесообразности" активизации государственного регулирования экономики, если, конечно, не отождествлять с ним произвольное вмешательство госорганов в действия предпринимателей, т.е. возведение искусственных административных барьеров, принудительные поборы с бизнеса и коррупцию чиновников. Уж если ставятся задачи модернизации экономики, включая её диверсификацию и восстановление международной

конкурентоспособности отечественных несырьевых производств, у страны просто нет другого пути, нежели переход к активной структурной политике, предполагающей выбор приоритетов развития и способов их реализации.

Целесообразность проведения активной государственной структурной и промышленной политики имеет две причины:

- недостаточная экономическая (рыночная) мотивация у сложившихся хозяйственных структур в решении задач технологической и структурной модернизации производства, формирования и освоения новых товарных рынков;
- слабость или отсутствие в национальной экономике хозяйствующих субъектов, способных в необходимых масштабах решать задачи структурной диверсификации национального промышленного производства.

Для современной России актуальны обе причины. Существующие крупные хозяйствующие субъекты сырьевой специализации (нефтегазовый комплекс) и первичной переработки сырья (металлургия, химия) не имеют достаточной экономической мотивации для серьезной отраслевой диверсификации бизнеса в силу сложившегося разрыва в уровнях рентабельности хозяйственной деятельности в экспортоориентированном сырьевом секторе и обрабатывающем, прежде всего машиностроительном секторе национальной экономики.

Объемы падения производства в машиностроении и наукоемком приборостроении свидетельствуют о том, что в этих секторах так и не сформировались хозяйствующие структуры, способные вести конкурентную деятельность на глобальном уровне (в условиях открытого внутреннего рынка) и решать масштабные задачи структурной модернизации и инновационного развития. Результатом такой ситуации и является низкое качество экономического роста и явно недостаточная конкурентоспособность национальной экономики.

В таких условиях возможна реализация двух сценариев.

Первый – это продолжение сложившихся трендов качественного застоя ("рост без развития") с перспективой дальнейшей потери национальной конкурентоспособности.

Второй – государство берет на себя функции субъекта целенаправленной и динамичной структурной модернизации, который и пытается через определенную систему мер преодолеть эти системные недостатки и сформировать необходимые экономические и институциональные условия для перевода экономики в новое качественное состояние.

Российское правительство, судя по всему, начало сознавать опасность происходящей примитивизации и технологической деградации экономики и негативные последствия таких тенденций не только для конкурентоспособности страны, но и ее военной безопасности. В частности, приняты долгосрочные стратегии развития российского автопрома и авиационной промышленности, определены национальные приоритеты (проекты) развития на среднесрочную перспективу. Создается, однако, впечатление, что они не подкреплены эффективными механизмами стимулирования инновационной активности в приоритетных сферах деятельности и, самое главное, нет признаков реального изменения общего вектора экономической политики, по-прежнему нацеленной исключительно на финансовую стабилизацию.

Словом, существует угроза, что дискуссия о перспективах российской промышленной политики может превратиться в очередную "модную тему", по аналогии с "удвоением ВВП", так и не подкрепленную адекватной системой мер. Не меньшую опасность может представлять и бессистемное наращивание вмешательства государства в экономическую жизнь общества, которое не будет способствовать устранению систем-

ных препятствий, мешающих переходу к качественному экономическому росту, но начнет сдерживать предпринимательскую инициативу.

В этой связи дискуссия о целесообразности проведения в России активной промышленной политики должна быть переведена из идеологической в конструктивную, практическую плоскость, в поиск реальных управленческих технологий, направленных на эффективное решение конкретных проблем экономики.

На концептуальном уровне (относительно структурной политики) как минимум, нужно ответить на следующие принципиальные для экономического развития страны вопросы:

- на каких региональных рынках преимущественно должен осуществляться экономический рост (развитие внутреннего рынка, интеграция и ее форматы, экспортоориентированная экономика);
- каково должно быть товарное наполнение (отраслевая структура) экономического роста;
- за счет каких источников должен осуществляться экономический рост и как должна осуществляться мобилизация и целевое использование таких ресурсов;
- кто должен являться основным субъектом экономической модернизации экономики в различных секторах экономики (государство, крупный бизнес, мелкий и средний бизнес, иностранный капитал);
- каков должен быть экономический механизм, обеспечивающий заинтересованность хозяйствующих субъектов в активном участии в проектах структурной модернизации национальной экономики, а также достаточную прозрачность финансовых потоков и эффективный контроль за их целевым использованием.

Говоря о промышленной политике на конкретно-оперативном уровне, необходимо определиться не только с ее содержанием, но и с критериями отбора приоритетов. Приведем некоторые соображения на этот счёт.

Во-первых, вряд ли существует совершенный и не зависящий от субъективных устремлений механизм определения приоритетов структурной перестройки экономики. Как нет совершенного рынка, обеспечивающего оптимальную аллокацию ресурсов, так нет и идеального, "научно обоснованного" государственного механизма выявления потребностей общества в той или иной структуре экономики. Даже в странах с самым высоким уровнем развития гражданского общества и плюралистической демократии выбор структурных приоритетов может существенно отклоняться от теоретически оптимального, ибо на нём всегда сказывается влияние тех или иных партикулярных интересов. Однако чем демократичнее общество, тем при прочих равных условиях быстрее будет замечена ошибка в расстановке приоритетов. Исторический опыт показывает, что присущий любому обществу социальный иммунитет, как правило, гораздо быстрее "срабатывает" при демократическом порядке правления, чем при авторитарном, динамичнее сигнализирует о необходимости модификации установленной иерархии целеустановок.

Хуже всего, если государство вообще отказывается от выстраивания структурных приоритетов по соображениям ложно понятой экономической свободы. Тогда за счёт средств налогоплательщиков зачастую реализуются, в сущности, нелегитимные предпочтения, формируемые главным образом в соответствии с лоббистским потенциалом носителей тех или иных групповых либо в буквальном смысле частных интересов. Развивающаяся в таких условиях "экономика привилегий" на порядок менее социально справедлива, чем та, где потребность в изменении структуры народного хозяйст-

ва открыто формулируется правительством и затем обсуждается и утверждается парламентом, даже если впоследствии возникает необходимость в её коррекции.

Во-вторых, в приоритеты структурной и промышленной политики следует закладывать те направления развития, применительно к которым Россия ещё сохраняет конкурентные преимущества – реальные или теперь уже в большей мере потенциальные. Часть таких приоритетов очевидна: нефтегазовый, лесной и рыбопромышленный комплексы, производственно-экспортный потенциал которых, однако, сам подлежит модернизации, включая радикальную диверсификацию; ракетно-космическая индустрия и авиапром; атомная отрасль; производство вооружений; энергетическое машиностроение – традиционное в советский период средоточие "двойных" – гражданских и военных – высоких технологий; судостроение; транспортное машиностроение; ряд "нанотехнологических" направлений, в том числе в биологии и геномной инженерии. Однако этот вопрос в целом подлежит тщательному системному изучению, причём соответствующая "инвентаризация" должна быть осуществлена с участием научных коллективов, включающих представителей экономических и естественных наук.

В-третьих, следует признать, что Россия имеет шанс выстоять в глобальной конкуренции, лишь скоординированно опередившись на два укрупнённых, "интегральных" приоритета, связанных с "новой" или "инновационной" экономикой, с одной стороны, и "старой", сырьевой экономикой, – с другой. Пропорции между ними подлежат целенаправленному регулированию исходя из долгосрочных национальных интересов.

"Инновационный" сектор, разумеется, не может быть лишь некоей "пристройкой" к сырьевому. На ограниченных бюджетных вливаниях его не развернуть. Придётся сформировать у самих сырьевых корпораций сильную мотивацию к диверсификации и к переливу капитала в высокотехнологичные сферы – перерабатывающие и машиностроительные. Задача, учитывая очевидную инерционность и политический "вес" сырьевого сектора, непростая, но решаемая. Для её выполнения необходимо, чтобы применительно к народному хозяйству в целом были разработаны перспективные (на 5 – 10 лет) приоритетные направления развития техники, технологии и НИОКР, а в рамках этих направлений – выявлены актуальные проблемы, подлежащие решению с помощью бюджетных ресурсов. Важно также составлять индикативные планы и немногочисленные, но ресурсно-обеспеченные федеральные целевые программы, и строго под эти планы и программы вводить стимулы и гарантии для предприятий-участников.

Кроме того, система регулирования допуска международных транснациональных корпораций к отечественным сырьевым ресурсам и сферам высокого платёжеспособного спроса должна создавать стимулы для их участия в реализации российских промышленных приоритетов.

В-четвёртых, ряд приоритетов современной промышленной политики должен носить не отраслевой, а межотраслевой характер, в связи с чем должны быть выделены направления техники, технологии и НИОКР, объединяющие более или менее однородные классы технических средств и технологий того или иного поколения. Используя эффект кооперации организаций разных отраслей, современная промышленность проектирует, создаёт и тиражирует сложные технико-технологические системы, стратегически важные с позиций жизнеобеспечения общества и поддержания национальной безопасности. Такие проекты обычно характеризуются высокой степенью затратности, большими инвестиционными рисками и, разумеется, длительным производственным циклом. Иначе говоря, они не могут быть осуществлены без систематической господдержки из-за "слабых ры-

ночных стимулов". Однако именно способность производить подобные системы удерживает ту или иную страну в ряду ведущих мировых индустриальных держав.

Роль государства в проведении структурной политики заключается не в управлении конкретными предприятиями или их опеке, а в выстраивании долговременной политики (через разработку приоритетов и "коридоров" развития), ориентированной на достижение устойчивого развития через обеспечение продовольственной, энергетической и экономической безопасности. Реализация такого подхода требует сложного многовариантного сценарного исследования всевозможных процессов и последствий принимаемых решений, что невозможно выполнить без предварительно моделирования. Построение моделей, их верификация становятся необходимыми этапами и инструментами принятия любых экономических и политических решений, особенно долгосрочных и масштабных. Отсюда следует, что в разработке направлений структурной политики важная роль должна принадлежать научному сообществу страны, которое еще в какой-то мере сохраняет опыт разработки крупномасштабных прогнозных документов национального масштаба на долгосрочную перспективу (Комплексная программа научно-технического прогресса; Схема развития и размещения производительных сил; Схема расселения населения; Схема развития транспортной системы страны).

Что касается участия научного сообщества в разработке направлений структурной политики и экспертизе отдельных проектов с государственным участием, необходимо учитывать две достаточно автономные сферы хозяйственного бытия с несовпадающими критериями отбора конкретных приоритетов структурной политики.

Первое. Когда рассматриваются так называемые обычные товары и услуги, не имеющие прямого отношения ни к фундаментальным потребностям обеспечения жизнедеятельности общества, ни к обеспечению его безопасности, независимая экспертиза должна давать объективные оценки состояния соответствующих секторов и отраслей национального хозяйства. После того как потенциал последних будет оценен и ранжирован по степени конкурентоспособности на внутреннем и международном рынках (соответствию международным стандартам конкурентоспособности; состоянию производственных мощностей; наличию сырьевого и кадрового потенциала; инновационного задела), появится более или менее надежная база для принятия решений о целесообразности и формах государственной поддержки. Такая поддержка может осуществляться в форме кредитного финансирования для создания импортозамещающих или экспортоориентированных мощностей; приобретения лицензий на выпуск конкурентной продукции для внутреннего рынка; льготного кредитования экспортных поставок машин и оборудования; введения целевых преференций с целью привлечения иностранных инвесторов для ускоренного развития отдельных отраслевых сегментов национальной промышленности. В том случае, если будет выявлена нецелесообразность сохранения отдельных сегментов промышленного потенциала, в силу их чрезвычайно низкой конкурентоспособности на внутреннем рынке и отсутствия реальных предпосылок для ее наращивания, промышленная политика должна быть направлена на минимизацию социальных издержек от закрытия увядающих производств.

Второе. Когда речь идет о товарах и услугах, составляющих основу жизнедеятельности общества и его безопасности в самых широких аспектах, критерий конкурентоспособности в сравнении с мировым уровнем свое значение утрачивает. В этом случае приоритеты структурной политики определяются иерархией иных целей и критериев, которые еще в меньшей степени поддаются квантификации. Речь должна идти о целенаправленной систематической государственной поддержке не столько произ-

водства отдельных товаров и услуг, а целостных систем, обеспечивающих жизнедеятельность общества как такового и минимизацию возможных угроз для него со стороны окружающего мира. Для современной России в настоящее время в качестве таких систем могут рассматриваться ВПК в целом, аграрный комплекс, энергообеспечение населения и производства, транспортная инфраструктура, коммунальное хозяйство, производство лекарственных средств и медицинской техники.

С этих же позиций следует оценивать начавшийся процесс интегрирования отечественных предприятий в технологические цепочки, контролируемые международными ТНК. Одна из важных задач при выборе структурных приоритетов здесь состоит в минимизации негативных последствий включения страны в глобализационные процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский статистический ежегодник. 2005: Стат. сб. / Росстат. М., 2006.
2. Российский статистический ежегодник. 2006: Стат. сб. / Росстат. М., 2006.
3. Россия в цифрах. 2006: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2006.
4. Россия 2007: Стат. справочник. М.: Росстат, 2007.
5. Информация о социально-экономическом положении России. XII. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2006.
6. Вопросы статистики. 2006. № 12.
7. О стратегии экономического развития России // Вопросы экономики. 2007. № 5.
8. Ершов М. Экономический рост: новые проблемы и новые риски // Вопросы экономики. 2006. № 12.
9. Приманка довериться банкам // Экономика и жизнь. 2006. № 4. С. 3.
10. Аргументы и факты. 2006. № 51.
11. Прогноз социально-экономического развития РФ на 2008 г.
12. Расчет по данным: Российский статистический ежегодник. 2001: Стат. сб. / Госкомстат. М., 2002.
13. Россия в цифрах. 2005: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2006.
14. Начать с комиссии и кончить // Экономика и жизнь. 2006. № 25.
15. Краснов Л., Алабян С., Рогов В., Шуйский В. Угрозы, которые мы ожидаем // Экономика и жизнь. 2006. № 21.
16. Краснов Л., Алабян С., Рогов В., Шуйский В. Угрозы, которые мы ожидаем // Экономика и жизнь. 2006. № 25.
17. Берлин Е. Чтобы не отстать навсегда // Профиль. 2006. № 38/16.
18. ЭЖплюс. Издание еженедельника "Экономика и жизнь". Май 2006.
19. Головачев В. Враги российской конкурентоспособности // Экономика и жизнь. 2004. № 28.
20. Райская Я., Сергиенко Я., Френкель А. Качественный рост // Политический журнал. 2006. № 33 – 34.
21. Садыков Л., Шахов М. У Фрадкова есть план // РБК daily. 17 ноября 2006 г.
22. Российский статистический ежегодник. 2006.
23. Наука России в цифрах: 2001. Стат. сб. М.: ЦИСН, 2002.
24. Наука России в цифрах: 2006. Стат. сб. М.: ЦИСН, 2006.